

1.

*Тоска летней ночи бессонной,
всегда суетливая мысль
играется с тьмой законной,
близка, приближается высь.*

*По звёздам гуляющий ветер
сдувает пылинки, и в них —
то образ таинственно светел,
то призрак раздумий моих.*

*Какие-то летние силы —
зелёное их естество —
берут мою душу, унылы
сны беглые дня моего.*

2.

*Ночь начиналась —
и шелестом лёгким, как щебетом птичьим,
сад оглашался, и в звуках какое-то слышалось слово.*

*Нет,
быть такого не может,
чтоб в этом текущем, грожащем*

гомоне, шуме был смысл,
языка хоть какого глаголы.

Что же, я ночь напролёт
запишу чего,
вздрогну,
расслышу
имя своё...
Кто зовёт меня?

Я отзываюсь.

3.

Здравствуй, друг горемычный, сделай милость,
на крыльцо выйди, дай хоть мы посмотрим,
кто такой заявился в наши гебри
не тревожить — унять свои тревоги.
Нам пугаться друг друга — нет, не стоит.

4.

Тёрн растёт в моём саду,
разрастается, забор
подпирает — ягод жду,
не пускаю под топор.

Поросль юная берёт
всю вокруг землю, зеленил
воздух, по ветру метёт,
листьями день-ночь шумит.

Вяжут ягоды — хоть плюнь,
сколько видел, сколько ждал,
май прошёл, мелькнул июнь,
за июлем щедрый встал

урожай — не обобрать.
Непривычные к трудам
руки медлят ношу брать,
скользить, лазать по ветвям.

*Три корзины под столом.
Исподнизу сок. Летят
осы, крыльями с трудом
слипшимися шевелят.*

*Достаётся сахар, трюф
начинается благой —
гнать из этих синих груд
огнь-напиток голубой.*

5.

*Каплю надо нам выпить — и благое
опьянение сердце умиляет,
и не так уж мы злы, мудры, несносны.
Только пенье назойливее станет,
только ты, с кем веселие всё наше,
с каждой каплей нас лучше понимаешь.*

6.

*Что-то мало пьётся мне,
хилая рука грозит,
рюмкой плещет — дух в огне
жидком мне не ворожит.*

*Тяжелеет голова,
глупые ночь снятся сны,
память никнет, чуть жива,
образы так неясны...*

7.

*Скучно — и ещё скучней,
если выпить, много пить;
старой книгою верней
сердце мне развеселить.*

*Всё коплю, коплю добро
сладких вин и горьких ряд*

*водок — смотрятся пестро,
собственным огнём горят.*

*Не дай Бог, чтоб час пришёл
вас откупорить, беду
несусветную залить.*

*Я запас мечу на стол,
я гостей незваных жду —
с ними пить, и только пить.*

8.

*Достаются тазы, и сахар льётся
долгим белым потоком, и краснеют
его горы от низу постепенно —
будет, будет нам варево густое.
Банки ставятся с тяжестью благою
в шкаф стенной, и битком на кухне полки.*

9.

*На огне кипит, шипит
чайник, лишнее тепло
с водой плюёт, свист свистит,
выдыхает тяжело.*

*Разной сохлою травой
сыплю в кружку — не слаба
горечь: терпкий дух, живой
вышибает пот со лба.*

10.

*Напои чаем нас с вареньем новым,
ещё тёплым, и пенки неси с кухни,
блюдце с горкой — щебечем мы, хлопочем
над едою, над сладким забываем
и порогу свою, и что опасны.*

11.

*И все леса — лес.
Длинными гуляю,*

запутанными тропами
хожу,
грибов и ягод я не собираю —
бездельничаю,
мыслю,
существую.

А то, что лесом называть привык, —
простая небольшая роща
рядом
с заброшенным колхозным полем,
между
дач,
дорог автомобильных
и железных.

Везде пакеты мусора,
окурки,
и голоса слышны,
и шум моторов,
везде цивилизация — такая,
как здесь устроили,
как мы привыкли здесь.

Но все леса — лес.
Трогаю стволы,
топчу их хвою,
трудное дыхание
свободнее становится,
и я
почти что заблудился
и по солнцу
обратный путь отыскиваю.
Вышел
к чужой деревне.
Леший здешних мест
так водит,
круги вертит;

так свободнее
блуждать,
куда — не помнить:
роща малая
лишь так,
крутя дороги, может стать
суровым настоящим русским лесом.

12.

На прогулках неспешных, молчаливых
мы сопутствуем, знаем с лесными —
одного тебя к ним пустить, мы знаем,
как опасно: привяжешься к ним, диким, —
нас забудешь, и сад твой опустеет.

13.

На востоке сада — тёрн.
Черноплодка да ирга
ждут по остальным по трём
краям ворона-врага.

Будет пир ему: моей
вместо плоти-крови — снег
чистая — весь груз ветвей,
успевающий созреть.

14.

Как ни делай запасы, а остатки —
недобор на ветвях, в траве завалы —
больше и тяжелей того, что в погреб
отнесли — не печалься: эта щедрость
к перелётным тебе ещё зачтётся.

15.

Всё вокруг нас — английская деревня,
и шиповник цветёт, и люди знают
друг о друге постыдное, и ревность,
и родство — кто в каком живёт — скрывают.

*Не хватает чего? Убийства только —
чтобы сыщик, бродяга иностранный,
разбирался, старушка с парасолькой
наблюдала, мелькала непрестанно.*

*Ну а что, и убийства здесь бывали —
всюду страсти, и мы людей не хуже, —
два дедка четверть века враждовали,
полуметр земли спорный был им нужен.*

*Время быстро течёт, от близкой смерти
один спорщик вполне ополоумел:
«Как же так, я уйду, и он прочертит
не по-моему край — тот, кто не умер!»*

*Уходить с земли, не годелав дело, —
это глупо. Достал старик ружьишко.
И слезятся глаза, и три прицела
все на цель, как один. Попал не слишком.*

*И рукав близкой жертвы пропитался
малой кровью, и умер от инфаркта —
не от раны. Стрелок едва держался,
он и вызвал полицию, азарта,*

*злости чёрной хватило переставить
два столба, пока к нам они спешили.
Прав ли старый, не став с судьбой лукавить?
Много пил — так ведь оба много пили...*

*Ну а дальше что? — Как-то откупились.
Не сажать же: любой срок ему будет
как пожизненный. Сыновья сложились,
гачу продали — суд да не осудит.*

16.

*Что, друг ситный, грустишь? Какие ласки
нам ещё предстоят? Тебя щечочем*

*и не знаем ни устали, ни скуки,
время наше проходит презабавно.
Ты не знаешь, что к смерти эти ласки.*

17.

*Скажи моё имя — и чудную власть
получишь, и силой натешись всласть,
с врагом покуражишься, боли хлебнёшь,
долги тем и этим сторицей вернёшь.*

*Построишь чертоги над хлябью земной,
в морях голубых пронырнёшь под волной,
в огне вспыхнешь, вздрогнешь, рассыплешься в прах —
старинный исчезнет, вдруг сбывшийся, страх.*

*И женскою слабостью и красотой
насытишься вдоволь, упьёшься любой.*

*Что страсти людские? Их лёгкий язык
с полслова, насквозь понимать ты привык.*

*Иные познания влекли и влекут:
смысл времени, как его токи текут,*

*создание мира и мира предел
ты мыслью проник, и ты дальше посмел.*

*Усталости в сердце нет, сроки ему
сбылись, миновали и сгнули в тьму.*

*Ты, летом подлунным спеша над землёй,
увидишь дом старый и старый сад свой,
и книги увидишь, в них буквы прочтёшь —
печальную повесть свою узнаёшь?*

*Вот так бы и жил, не продавший души,
во тьме беспросветной, в треклятой глуши.*

18.

*Загадаешь ли малое желанье —
мы исполним, а вдруг решишь уехать —
засвистим, застрекочем, в косы туго
заплетём стёжки, летние дорожки.
А зимой-то никто нас не покинет...*

19.

*Будем веки вековать,
будем своды подпирать,
деревá стройны, красны:
мачтовый тяжёлый лес
по верхам скребёт небес,
звёзды сваливает с них.*

*Глубоко зашли, сплелись
в жадных поисках воды
корни мощные — руды
златой, чёрной напились,
гномьи норы рыли и
норы глубоки, ничьи.*

20.

*Позабудь свои беды и обиды.
Мы ведь тоже не просто так плутовки —
защитим, ты ведь наш теперь навеки,
не делимый ни с кем — к тебе не пустим
ни с оружием, ни с умыслом враждебным,
ни с какими иными новостями.*

21.

*Запасаюсь для зимы:
книги, книги — хлам, читать
среди белой хладной тьмы
да на краткость чтоб роптать.*

*«Рано взялся их листать,
мучить зрение, пока*

*есть я, чтоб глаза ломать,
и жива твоя тоска!»*

22.

*Это что шелестит? — Вся наша свадьба
собирается, едет в чистом поле.
Как подскочат скорлупки на ухабах,
так тряхнёт на сто вёрст вокруг окрестность,
полахнёт свадьба звёздами — Телегой.*

*За осенним пирком честным толкуются
гости наши — заметишь, не заметишь
их следы, их самих в осеннем буйстве.
Пожеланья их сможешь ли расслышать
нам с тобой? Загарили, закидали.*

23.

*Свет уходит, август сходит...
И осенняя природа
стылым соком в жилах бродит
свет-зелёного народа.*

*И краснеет листьев стая,
и одежды полупьяной
осени летят — нагая
ляжет в луже разливанной.*

24.

*Яблок, яблок-то сколько, прорва яблок!
Их тугая, тяжёлая природа
сил земли так полна: укусишь — брызнут
соком сладким и пенистым. В год чётный
новый ждуть урожай. Большого года,
люстра яблочного такие сроки.*

25.

*Яблок сколько — сад скрипит
от натуги, ветви гнёт,*

*в ночь старается, не спит,
множит плоть, удара ждёт*

*об землю своих пугов,
сотрясения земли —
ждёт свободы от трудов,
что на пользу не пошли.*

26.

*Я складываю жечь костёр
лом сучьев, листьев бурый сор.*

*Я выбрал время посреди
недели, чтобы никому
не пришло в голову следить
и доносить — зола ему*

*расскажет о моих делах —
опасной высоты кострах.*

*Смотрю в огонь, терзаю глаз
бегучей, жгучей красотой;
теплом заёмным занялась
плоть серая, чадит собой.*

*И сад ветвями шевелит —
погреться от своих спешит.*

*Вожу руками по огню,
как будто потерял чего,
как будто так перемену
кровей холодных естество.*

*Но безопасно пламя жгу —
и сад, и руки сберегу.*

27.

*Вниз коробки носи, под ношей горбись,
прячь антоновку в подпол — сохранится
до весны почти, будет помянуть чем*

*этот год, и богатый, и счастливый.
Половины доходов бы хватило.*

28.

*Духовитый сок закатан
в банки — влага золотая
сохранит лучи заката
и восхода, память рая.*

*Будет в лете разливанном,
в дне закатанном осеннем
играть светом постоянным,
яблочным мой лёгкий гений.*

29.

*Я расставляю на столе
закуски-снедь, бутылок ряд.
Кто в целом свете? на земле?
Я гостю сам бы не был рад.*

*Взял старый бабушкин сервиз —
небитых рюмок сколько здесь? —
на мой век хватит — вот каприз —
из тонких, дорогих пить-есть!*

*Включу смешной и старый фильм.
Мельканием не развлечён,
но хоть какой-то разговор,
знакомых лиц знакомый вид.
Как этот день я проведу,
так проживу свой новый год.*

30.

*Позови нас на праздник на осенний!
Мы с подарками ходим, а незваны
гостьи — как-то впадаем в испугленье,*

*напророчим гурного, наколдуем
кому что: кому — прялки, веретёна,
тебе — перья, карандаши да ручки.*

31.

*Ох, тяжёлое похмелье,
зимний сон под холодами,
невесёлое веселье
года нового над нами.*

*Небо чистое, живое,
звёзды ходят молодые,
небо в зимнем непокое
ветры гонит снеговые.*

32.

*Ох и вид: телогреечка лихая,
клячья ваты, как будто обрастаешь
сам ты шерстью-руном, треух рыжеет —
растреклятая кроличья могила.
Как увижу — смех зимний пробирает.*

33.

*Книги беру с полки и листаю —
скучно, скучно; тёмные страницы
равнодушно взглядом пробегаю.
«Ждёшь вестей?» — Мне скука даже снится. —*

*«Малый круг прогулок». — Снегу, снегу
намело-то сколько — непролазно
пешеходу. — «Есть дорога бёгу
лыжному!» — Что для меня напрасно.*

*Только то, что мыслям не помеха,
я люблю движение: встал, вышел
и пошёл, а лыжная потеха
вычурна, умышленна. — «По крыше*

*снег ползёт, чтоб всюю массой страшной
рухнуть». — Ну, зато не надо чистить,*

лазить до весны. — «Ещё намашет
мать-метель!» — Наносит белой кистью.

34.

Да и нам нелегко. Хоть кровь иная,
легче, чище плескается по жилам,
а и в ней лютый холод, и летать нам
среди долгих метелей неприятно,
со снежинками путаем друг друга.

35.

Холодно —
последняя забава
зимним долгим вечером:
воды я
натаскаю,
вёдра поднимаю,
бочку полню, баню начинаю.

Холодно —
а Бог с ним, гров не жалко,
жарко,
инда не вздохнуть, натопим
баню,
гров не жалко, жарко, жарко...
Сердце бьётся —
чем его торопим? —
жаром.
В воздухе-пару его утопим.

36.

И мы тоже трепещем в мокром виде,
крылья греем, ты отвернись — вид жалкий.
Мы от жара, паров похорошеем —
будто лето припомнили, взбодримся —
будто не было зимних унижений...

37.

*Жарко —
смерть из тела изгоняем,
вениками хлещем,
машем жаром,
с лишним потом ливмя на пол беды
схлёстываем и водой смываем,
прислонясь, сидим у красной печи.*

*Жарко —
аговых высот температуры
в мыльне-жар-парильне; кости томно
ноют от напора, от наплыва
кровей горячей воды кипящей;
в свет кидаемся, на снег блестящий,
под небо и звёздно, и огромно.*

Кваса ковш — награда нам, кто выжил.

38.

*Наше место: здесь образа не ставят
нас пугать, здесь тепло, светло и сыро,
тела обнажённые краснеют,
потом лоснятся — женское здоровье
и мужское здоровье повстречались.*

39.

*Холодает. Закрыли магазины.
Опустевший посёлок охраняют
две собаки, лохматые две псыны,
меня помнят, а потому не лают.*

*Сколько здесь нас осталось к новогодней
поре года? Десяток или меньше.
С каждым днём только, чувствую, свободней
от неумных мужчин, нетёплых женщин.*

*С кем встречаюсь с людьми? Один зимует
Елисейев-старик, не дом — курятник:*

*то чертей он гоняет, в щели дует
ветер, свищет; то, трезвый, аккуратно*

*паклей старой заделывает дыры.
Обойду стороной: болтлив уж очень.
Сыну отдал московскую квартиру,
ну а сын помнить-знать его не хочет.*

*Вот семья молдаван. С тепла степного,
с голодухи тут ищут лучшей доли.
Как сороки, воруют, нет такого,
чем побрезгуют. Дать им денег, что ли?..*

*Ходит-бродит, юродит в худом теле
девка-гура-гуша, простоволоса,
Александра; тиха при грешном деле,
только смотрит потом тепло и косо.*

*А в избе, что напротив, не жгут света;
продают, но никто смотреть не хочет;
был хозяин — повесился тем летом:
боли раковые сверх всякой мочи.*

*А потом я узнал: на той же балке
(дом был куплен на вывоз издалёка)
его первый хозяин...
как мочалка...
Над неверьем такая вот издёвка.*

*Поневоле соседей изучаешь,
круг сужаешь, истории их слышишь.
Этих мест лучше, ближе не узнаешь,
чем зимой, — летом красным не опишешь.*

*Одиночество снега под луною,
одиночество месяца на небе —*

*а теплее, чем в городе с женою,
а нужнее тоска вина и хлеба.*

40.

*Тут мы пьём, тут работаем, гуляем,
о высоком, о низком рассуждаем.
Тут мы книги читаем, спим друг с другом
и не знаем беды за недосугом.
Тут метель заметёт, тут снег растает,
тут вся жизнь всяко с нами побывает.
Тут застанет нас смерть, возьмёт природа.
Это вроде посмертная свобода.*

41.

*А глядишь: зиму перезимовали;
и припасов, и гров — всего хватило;
отоспались и вдоволь налюбились;
книги вдумчивые читали ночью,
чтivism лёгким днём, утром забавлялись.*

42.

*Спячки зимней долгий холод
кончен, свету-то в оконце
сколько! Год умыт и молод.
Бег ручья-первопроходца,

шум летящий птичьей стаи,
вид снегов, льдов, с тела спавших.
Смех слышали, засыпая,
бег, нас осенью обставших, —

где они? А мы свободны,
живы мы весною красной.
Силы сильны и бесплодны
воскресают неопасно.*

43.

*А лететь всего полмира —
от жары невероятной,*

*от нечистого дыханья,
от заразной южной скверны.*

*Чёрной Африки виденья
отстают в полёте быстром;
в холод, голод возвращенье,
в край весны благословенной.*

44.

*А в канавах вода грязна, бурлива;
а до станции добрести, доплыть — уже приключение;
берёшь две буханки хлеба и чихаешь, сопливый,
и покупаешь перцовку в целях самолечения.*

*Надо забор подправить, надо убрать осенние
горы и груды листьев, надо проверить трубы,
надо с окон согреть зимнее утепление,
на чердак отнести, чтоб не мешалась, шубу.*

*Надо вымести грубый зимний сор на улицу,
отпереть летнюю кухню, занести туда стол и стулья,
надо хлопотать в саду, над землёй ссутулиться.
Так и буду я эти «надо» до конца повторять июля.*

45.

*Уж какой ты работник, я ль не знаю?
Год который качается под ветром
твой забор, что того и гляди рухнет,
на каком честном слове прикрепился
к трём столбам! Может, нас переживёт так.*

46.

*Здравствуй, Агонис!
Как спалось, мой господине,
в этой долгой снежной пустыне,
в этом голом образе мира,
какой не видеть
уже благо?*

Как спалось-почивалось,
ворочалось как, лежалось
под белым легчайшим снегом,
под лётном ветров, туч бёгом?
Как смерть миновала,
без ущерб ли?

Каково тебе возвращаться,
расцветать под весенним солнцем,
под ветерком качаться,
заморозков пугаться?
Красивый стоишь, пригожий
в лугах родимых.

47.

Тяжелеет снег, и в сердце
думы мокнут, тяжелеют;
от весны, беды согреться
чем? — остатки гров чуть тлеют.

Ну не брать же новой ноши,
не идти же за охапкой?
Хлюпают водой калоши,
и капёль стучит по шапке.

Как-то всё само собою
вдруг прогреется, случится;
между раннею весною
и цветущей сон мой глится.

48.

Что ты вспомнишь о любви в весеннем свете —
отведём да рассеем. Мало помнишь:
имена-то, каких не бывает,
чтобы в жизни, — их вычитал, наверно,
в старых книгах, — нет ревности к страницам.

49.

Сад в продрогших зеленях
ранних, слабых света ждёт,

*сад скорбит в весенних днях,
перед солнцем предстаёт.*

*Недоверчивы к теплу,
ветви старые кряхтят,
им бы греться лечь в золу,
да пожить ещё хотят.*

50.

*А не холодно ли водой апрельской
плыть — прям жжёт, всё вдоль тело, гушу сводит?
А не рано ль тревожишь заповедный
водоём плеском, хилыми гребками,
одиночеством водным забавляясь?*

51.

*Нет. Поцупаешь ногой —
и обратно, зябкий жест;
а, бывало, молодой
среди посевернее мест*

*да поранеe времён,
не крестясь, с разбега — ух! —
полувыкрик, полустон —
телу радовался дух.*

52.

*От тех баловств, прыжков — чего осталось?
только память — и от того, кто прыгал,
разве больше? И люб нам серый, старый,
осторожный пловец — с одышкой, плеском
воду мутит, а узелок сиротский
с полотенцем да чистыми вещами
башмаки, чтоб не сдуло, приминают.*

*Ты какой Геллеспонт переплываешь?
Что ногою натёртою хромаешь?*

53.

*Пить — не ржавчину же пить —
смысл менять? — одна беда —
трубы, бочки — та же вить
рыжая пойдёт вода,*

*что ни делаем, каким
бы умельцам ни платить,
а бурдой себя поим,
жидкой грязью стану мыть*

*овощи, посуду. Мыл
ноги — словно загорел,
словно землю исходил
босиком и за предел.*

54.

*Был колодец — наше место силы.
Не было воды свежей и лучше,
со всего посёлка приходили:
трубы-то когда ещё подключат?*

*Дед гордился жилами земными,
знал их, как свои; богатство наше,
чистое, не купленное, хлынет
в лейки и с вином смесится в чаше.*

*Осушили ближние болота,
гальные застроили домами,
и воды не стало, и заботы
принимать в саду гостей незваных.*

55.

*С детства эта вода тебя поила;
было время, сырой, некипячёной
водохлёб опивался — знал, наверно,
что иссякнет, так впрок хлебать-те прорву.
В ней такая есть память — пей и помни.*

56.

*На краю стакан — бесхозный, общий;
разные ходили, я скрывался
от недобрых взглядов, любопытных,
от расспросов глупых, постоянных.*

*Может быть, мешал чем их свободе,
жажде; может быть, прихлопнет больно
кто из них, за кем я наблюдаю
с детской, городской тоской любовной.*

57.

*Вода бежала под землёй
и в тишине и в глубине
власть напиталась силой той,
что от самих земли корней.
И вознесла в верха земли
то, чему б света не видать.*

*Тут воды были и прошли,
им вольно, светлым, протекать
под солнцем вещим, молодым.
Они давно погребены
и, невозможные живым,
в стезях подземных стеснены.*

58.

*Ну, пора хоть какую-то работу
тебе делать: весна — не время смерти
и не время покоя, долго может
сад расти сам собой, но ищет руку,
по-хозяйски которая пройдётся.*

*Сколько можно надеяться на чудо?
Сад стоит, мы храним, а ты, хозяин,
не так свят, чтобы без труда земного
всё устроить: и росту дать растениям,
и плоды их собрать, и что подрезать.*

59.

*Я разминаю плоть земли
в лагонях, пыль её и прах;
мои усилия пришились
ей впору; её мучил страх,*

*она покинутой была,
ни грядок ей, ни парников,
одна крапива в рост росла —
царица русских сорняков.*

*Безрадостный избыток сил
искал любых себе путей
и вырождался в образ мал.
Но я к трудам, к скорбям ожил.
Для садоводческих затей
брал шланг и заступ выбирал.*

Я огород свой не забыл.

60.

*Осторожно. Не навернись. Больную
спину с грузом ворочай аккуратно.
Да найми кого — станут азиаты
не загорого, плохо так трудиться,
среди них ты — умелец и начальник.*

61.

*Земля зажда́лась — заступ сунь
под рёбра ей, копать спеши,
чтоб встретить всходами июнь,
трудись в саду не для души —*

*трудись для голода, рубля,
так труд ценнее и честней,
не любит русская земля
пот гимнастических затей.*

62.

*Результаты трудов твоих невидны,
так и наго: сливаются с обставшим
местом-временем, им идут на пользу,
неприметно вырастают в сад, впадают.
Ты уже тут не гость, гуляка праздный, —
часть природы, хоть трудник неумелый.*

63.

*День прошёл в трудах своих, заботах.
Я б коммунистических канунов
и не поминал бы, неохота
пить. Я красный флаг куда засунул?*

*Ночь. Читаю книги, ощущаю
смутное — где наго и не наго —
беспокойство, книгу закрываю,
выхожу ходить-бродить по саду.*

64.

*Ночь прошла, и спокойным ясным утром
мы все здесь, будто в славе нас не видел,
в силе вещей; и сад зелёный мало
начинает белеть, цвести со всей силы,
будто спуды какие отвалили.*

65.

*Я спать ложусь, я подгулял
изрядно — сонна голова,
туманна, спать — и день мне мал,
чтоб отоспаться; лёг едва —*

*и сразу щебет, сразу жар
весны со всех её сторон,
вчерашний снится сумрак чар,
сегодняшний в нём глится сон.*

*Хватило получаса мне
восстановить что было сил;*

*я бодр и весел по весне,
как будто пьян вчера не пил...*

66.

*А после этой встряски всяких нервов
иду купаться, смой с себя росу
солёную... Отчаянным и первым
гребком держись у вод, волн на весу.*

67.

*Теперь-то не холодно, можно
нырнуть, громко фыркнуть, проплыть
на глубь; всё, что неосторожно,
но может мне сердце взбодрить, —
проделать. Теперь вправду лето —
во всём естестве, красоте,
во всём изобилии света,
по всей широте, долготе...*

68.

*И как в чистой моей воде плывётся,
как в холодной дыханье замирает,
как усталость-тоска-грожь руки сводит?
Как хлебнёшь — больше жажды, темней ночи,
как припомнишь, что кажется забытым.*

*А не бойся, балую — не утонешь,
выйдешь цел, волн стряхнёшь сырую пену,
на песке в рост расстелешь полотенце;
как нечуток и груб — так и не понял
близость смерти — уснул под синим небом,
сны спокойны текут, мелькают волны.*

Лето в самом разгаре — замечай час.

69.

*Круг завершён. Я не гагал:
дойти? упасть? И вот я цел.
Как свои цели понимал?
Насколько близко преуспел?*

*Круг завершён — и год прошёл
не так, в тоскливом забытьи,
как предыдущий: год за пол
сумел несчастливый пройти.*

*Круг завершён — и первый раз
я без больших утрат стою,
я даже приобрёл чуть-чуть.*

*Круг завершён. — Ну, в добрый час!
Я продолжаю жизнь свою —
привычный, ровный, долгий путь.*

70.

*Года круг завершаем, завершаем
наши шашни, намёки. Ты свободен:
хочешь — вёрсты меняй от нас далёко,
хочешь — вспомни обидным хлёстким словом,
хочешь — так позабудь, как дом, как сад свой.*